

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 392.51

Н.И. Шитова

Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия
E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru

ЯРКОСТЬ И АСКЕТИЗМ В ОДЕЖДЕ УЙМОНСКИХ КЕРЖАЧЕК (XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Работа основана на полевых материалах 1998–2000, 2005–2007 гг., собранных автором среди уймонских старообрядцев, проживающих в селах Усть-Коксинского р-на Республики Алтай, а также в г. Горно-Алтайске. Рассматриваются проявления двойственного отношения уймонских кержачек к украшениям, красному цвету и яркости одежды в целом: реальное бытование этих элементов в культуре костюма на фоне их идеологического осуждения, основанного на христианских аскетических принципах. В исследовании раскрываются различные уровни соответствия между запретами в одежде и их реализацией.

Ключевые слова: уймонские старообрядцы, украшения, красный цвет, яркость одежды, правила и запреты, аскетизм.

«Господь бы на земле жил, тоже бы согрешил», – любят приговаривать уймонские староверы. В этой поговорке отражено отношение народа к сложнейшей проблеме сосуществования идеологического и практического уровней традиционной культуры, представления о том, как должно быть, т.е. различные правила и запреты, а также фактический уровень быта и стиль поведения. Проблема особенно актуальна для старообрядческой культуры, для которой характерно чрезвычайно большое количество запретов, что четко осознают сами носители культуры: «У нас такая вера – нам же ничего нельзя» (ПМА, 2005, М.И. Утятников, 1946 г.р., г. Горно-Алтайск). Чтобы понять традиции староверов полнее, необходимо проанализировать идеологические установки, в частности, в отношении одежды, в контексте их фактической реализации в быту. Если не учитывать подобной двойственности, то можно получить не вполне соответствующее реальности представление о народной культуре. В настоящей работе раскрывается проблема противопоставления реалий обыденной жизни и запретов на их использование. Она проявляется в традиционной культуре старообрядцев Уймонской

долины Горного Алтая. Исследование базируется на полевых материалах автора, собранных в селах Усть-Коксинского р-на Республики Алтай, а также г. Горно-Алтайске в 1998–2000, 2005–2008 гг.

В результате комплексного изучения костюма уймонских старообрядцев выявлено двойственное отношение к украшениям, красному цвету и яркости одежды в целом [Шитова, 2005, с. 102]. Это обусловлено, вероятно, фактическим сосуществованием христианских и дохристианских представлений на фоне идеологического отрицания последних.

По мнению строгих в соблюдении религиозных предписаний кержачек, носить украшения грехно: «Грех носить украшения, потом надо покаяться» (ПМА, 2007, А. Утятникова, 1940 г.р., с. Мульта). Запрет на ношение украшений обосновывается так: «...шибко чтоб не воображали, про Бога не забывали» (Там же). Подобные взгляды, видимо, соответствуют апостольскому учению: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человека в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» (2 Петр. 3, 2–4).

Старообрядка из с. Тихонькая вспоминала, как хотела проколоть уши и просила купить ей серьги, а мать ее ругала: «...зачем, чтоб на том свете лягушки вешались на ушах!» (ПМА, 1998, П.И. Черепанова, 1929 г.р., с. Тихонькая). Под словом «лягушки» бабушки подразумевают прежде всего змей. Распространено поверье, что на том свете в местах былых серег, брошек, заколок, бус, браслетов будут висеть или извиваться змеи. Наказанием (уже на этом свете) может быть синяк на теле в том месте, где находилось украшение: «...брошку нельзя носить, грех, потом будет лягушка» (ПМА, 1998, Л.М. Огнева, 1931 г.р., с. Верх-Уймон).

Отказ от украшений жительница с. Мульта А.М. Болтовская обосновывает желанием следовать аскетическим идеалам византийского христианства: «Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий писали, что украшения никак нельзя носить, особенно Иоанн Златоуст» (ПМА, 2007, А.М. Болтовская, 1924 г.р., с. Мульта). Действительно, в постановлениях старообрядчества особое внимание уделено апостольскому учению покрывать женам волосы, которое приводится, как правило, в толковании Иоанна Златоуста. Именно этот запрет вместе с осуждением иностранных одеяний лежат в основе сложившегося в старообрядческой идеологии отношения к женско-му щегольству и украшениям: «Отнюду же противляющиеся сицевому учению апостольскому, и наказание святого Иоанна Златоустаго ни во что же вменяющии, дерзающие же обнажати власы главы своея, и безстудным образом ряды и зачесы творити, и сице безстудне даже в молитvenныя храмы входити, еще же не довлеющисоставом плоти своея, но пристраиваюши себе натиранными и вапы наглое безобразие, вместо богосозданныя красоты, и вящщую толстоту телеси, посредством устроений немецких, и забывши торжественное возложение венца церковного с животворящим Крестом Господним, и на его место поставляющие утвари латинский, французский и немецкий, лютеранский и кальвинский, якоже шляпки и гребни, из рогов скотских и нечистой черепаховой кости сотворенные, и сице скотски украшающиеся, такожде от святых Церкве отлучении суть, занеже сияч вся от дщерей западного костела навыкоша, и с ними купно любодействуют» [Кратчайшее изложение..., 1993, с. 94].

А.М. Болтовская рассказала нам старообрядческую притчу, призванную воспитывать у женщин аскетическое отношение к своей внешности. «По писанию нельзя носить, лягушки будут висеть. Когда Господь спустился в ад и идет. И она сидит вся, и вся в украшении этом. Он (Иисус Христос. – Н.Ш.) говорит: “О!” . Она говорит: “Любила украшения”. Он говорит: “А теперь как?” . Здесь она в украшениях, а там она в змеях сидит» (Там же). Наша собеседница, видимо, живо представляя этих пресмыкающихся, когда ей не хватало слов, жестами изображала много-

численных змей, извивающихся над головой страдающей в аду грешницы.

Этот старообрядческий образ, если не заострять внимание на его христианской идеологической интерпретации, напоминает персонаж, изображенный на известных амулетах-змеевиках, бытовавших с XI–XII до XV–XVI вв. На оборотной стороне этих предметов показаны два сюжета – отрубленная голова медузы Горгоны с вырастающими из нее змеями и змееногая прародительница скифов, тоже окруженная змеями. По мнению Б.А. Рыбакова, подобные композиции (голова со змеями и дева-змея) на территории Руси встречаются чаще, чем в греческих землях. Он рассматривает змеевики как прекрасный образец двоеверия [1988, с. 653–656].

Как отмечает Н.И. Толстой, двоеверие оказалось адаптацией язычества к христианству, подчинением его дихотомической корреляции плюс – минус (добро – зло), в которой прежней языческой вере предоставлялось место преимущественно со знаком минус [1995, с. 264–265]. Если в средние века архаическое женско-змеиное изображение использовали вместе с христианским и носили в верхней части туловища (нагрудные знаки), то в середине XX – начале XXI в. у староверов Уймана эти образы, восходящие к древнейшим представлениям, ассоциировались с адом, преисподней. Каково бы ни было происхождение древнерусской «медузы Горгоны», этот образ оказался чрезвычайно живучим. Видимо, он глубоко укоренился в народном сознании, поскольку окончательно не изжит и в начале XXI в. Его отражением являются населившие ад или просто «тот свет» старообрядческие грешницы. Змеи извиваются над головами этих женщин, обвивают их руки, шею и свешиваются с ушей.

В старообрядческих запретах прослеживается соответствие между украшением и хтоническим созданием – змеями. Подразумевается, что земное украшение является выражением хтонического начала и в реальном, физическом мире. Такое понимание подтверждается распространенной воспитательной поговоркой: «Сережки на ушках – ушки в лягушках». Известно, что древнерусские украшения, особенно предназначенные для русалий, были насыщены образами, в которых выражались все природные начала [Рыбаков, 1988, с. 736–737]. Можно предположить, что небесные сферы уже были заняты христианскими персонажами, поэтому языческое начало, выраженное в украшениях, получило в сознании уймонок преимущественно хтоническую интерпретацию.

Старообрядческий костюм является глубоко христианизированным, особое символическое значение придается поясу (рис. 1, 2) [Шитова, 2008, с. 89]. Украшения – единственный элемент, который не признан христианским законом, не носит христианской символики, а потому запрещается. Образ нарядной,

Рис. 1. Изготовление пояса современной мастерицей.

Рис. 2. Фрагмент молитвенной надписи, выполняемой в технике браного ткачества.

привлекающей мужское внимание женщины осуждаем святыми отцами: «Сказано: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова в сердце своем (Мф. 5, 28). Подлинно, страшное предостережение, и много нужно трезвенности» [Преподобного Ефрема Сириня слово..., 1994, с. 54]. А вот как осуждается плясунья: «Пляшущая бо жена, невеста нарицается сатанина, и любодеица диявола, и супруга бесова. Не токмо бо сама будет сведена во дно адово пляшущая, ено и тии, иже ся с любовию позоруют, и в страстех разжигаются на ню похотью» [Иоанн Златоуст, 2001, с. 115]. Как отмечал Б.А. Рыбаков, запрещающие церковью игры и плясания являлись проявлением функционирующих языческих культов в эпоху двоеверия. При этом свое особое значение в этих обрядах и в выражении архаического мировоззрения в целом занимали женские украшения: «Очевидно, главные языческие действия – потехи в столых городах Руси начинали княгини и именно для этих всенародных, но тайных для церковников, празднеств мастера-ювелиры с таким тщанием и продуманностью изготавливали свое серебряное узорочье, пронизанное языческой символикой» [1988, с. 738]. Это замечание наводит на мысль о том, что христианская борьба с украшениями возникла не из-за эстетического неприятия, а из противостояния альтернативной религии дохристианским верованиям. Скромность при этом как аскетическое обоснование является вторичной.

В наши дни староверы более последовательно следуют аскетическим запретам, чем в первой трети XX в. Сейчас пожилые старообрядцы не носят украшений, хотя прекрасно помнят, что таковые были у их мам и бабушек. Некоторые наши собеседницы вспоминали, что практически не было сережек и брошек: «Брошек не носили, их не было, носили бисера – земщик», «носили только земщик – мелконький бисерок,

серьги вовсе не носили» (ПМА, 1999, М.С. Артаболовская, 1931 г.р., П.И. Черепанова, 1929 г.р., с. Тихонькая). Бытовали и серьги, и брошки, и даже браслеты. Самым распространенным украшением был «земщик» – бусы из многочисленных нитей мелкого бисера. Реже носили плетеные из бисера украшения, а также «восковые бисера» – из янтаря. Особенно яркие и многочисленные украшения привозили с собой бухтарминские невесты и гости: «С Бухтармы приезжали, там, знаете, бисера у них, вот там все завешано – шея, крупны вот тут вот, а тут – помельче» (ПМА, 1999, У.М. Аргокова, 1924 г.р., с. Верх-Уймон).

Украшения носили с целью защиты от сглаза и «от зоба». Их бытование соответствовало народным представлениям в сфере народной медицины. Вплоть до настоящего времени сохраняется вера в колдунов, колдовок и причиняемые ими добрым людям сглазы, кильы: «Кильы каки-то люди ставят... болезнь такая. Напускают хоть в зубы, хоть в ноги, хоть в руки. Даже одной женщине в матку кильы посадили... Одна голубушка в горло кильы посадила мне» (Там же). Уязвимым местом для такой порчи считается шея. Поэтому, несмотря на запреты, чаще всего из украшений используют бусы.

Иногда, стараясь уберечь от сглаза, украшали даже животных. Например, Л.П. Чернова рассказывала нам о том, как ей удалось защитить птичий выводок от дурного завистливого глаза только благодаря повязанным на шею цыплятам красным тряпочкам. В этом случае отчетливо проявляется функциональная близость украшения и красного цвета в значении оберега. Возможно, эта функция красного лежит в основе идеологического отрицания аскетически настроеными староверами. Отголоски использования красного цвета в качестве нехристианского по происхождению апотропея проявляются в представлениях о лечебных

свойствах красной ткани. «Если ребенок оспой заболеет, его в красное одеяло завертывают или красную пеленку» (ПМА, 2007, А.М. Болтовская, 1924 г.р., с. Мульта). Часто красными нитками исполнялся шов «в замок» на вороте рубах, красными нитями плели, ткали и вышивали. Использование красного цвета в качестве апотропея не является специфической чертой уймонцев, но в целом характерно для русских крестьян [Фурсова, 1992].

В с. Верх-Уймон в 1998–1999 гг. нами зафиксированы запреты как на будничную, так и на праздничную одежду красного цвета: «...молются всегда в однотоном. В красном не молются» (ПМА, 1998, Е.К. Бочкирева, 1934 г.р., с. Чендек). Некоторые информанты вспоминают, что «в красном не ходили» (ПМА, 1998, М.М. Чернова, 1911 г.р., с. Верх-Уймон). У староверов не принято хоронить в красной погребальной одежде нетрадиционного покроя. Такой запрет появился относительно недавно и связан с тем, что во второй половине XX в. была нарушена традиция погребения в традиционных белых одеяниях. И сейчас хотя и нечасто, но можно встретить староверов, которые считают, что обязательным традиционным элементом погребального комплекса является саван, а остальная одежда может быть современной, купленной в магазине. Имея в виду именно такие случаи, говорят: «...не кладите в красно, а то сразу в огонь, в муку вечную» (ПМА, 1998, Е.К. Бочкирева, 1934 г.р., с. Чендек). Старообрядческие священники обращают внимание на нежелательность присутствия красного цвета при погребении: «Но... учитывая то, что теперь наиболее привычным стало обивать гробы тканью, скажем, что весьма нежелательно использовать для этого ткань яркую, в особенности красного цвета» [Предисловие об умерших..., 1993, с. 80]. Подобные запреты четко связывают осуждение красного цвета у старообрядцев с ожиданием второго пришествия: красный напоминает о геенне огненной, к которой будут приговорены грешники. Иоанн Златоуст поучает: «А кто враги Божии... Им всем в Страшный день общего воскресения повелит Судия: “идите от Мене проклятии в огнь вечный, уготованный Диаволу и агелом его” (Мф. 25, 41)» [Иоанн Златоуст, 1992, с. 75]. В соответствии с подобными поучениями свое стремление избежать красной одежды староверы объясняют так: «...говорят, от огня красно, от крови красно» (Там же).

Вместе с тем красный – один из основных праздничных цветов. По нашим наблюдениям празднования Пасхи в с. Мульта в 2007 г., женские головные уборы и отчасти рубахи словно окрашивают праздник в этот цвет. Особенно ярко и контрастно на старообрядках преклонного возраста смотрятся чисто красные праздничные кокошники из искусственного шелка, поверх которых повязываются красные платки с цветочным орнаментом. Ярко и нарядно выглядят рубахи и сара-

фаны обладательниц красных кокошников. Красный цвет особенно характерен для женских нарядов, но его можно встретить и в мужском костюме.

У старообрядцев сохранились образцы красной одежды начала XX в. Например, венчальный костюм невесты Х.И. Ивановой из Бухтармы, изготовленный в 1925 г. (рис. 3). Однотонная красная рубаха в этом комплексе относится к типу поликовых. Нами зафиксированы также красные праздничные (моленные и выходные) поликовые и туникообразные женские рубахи с мелким рисунком, изготовленные в начале XX и начале XXI в.

Наши материалы не позволяют говорить об особом пристрастии к красному цвету старообрядок-бухтарминок: среди них зафиксировано отрицательное к нему отношение. Различное отношение к красному у уймонцев связано с этнокультурной спецификой сел Верх-Уймон и Мульта. Как утверждают местные жители, в отношении к традициям между этими селами всегда прослеживалась небольшая разница. Староверы с. Верх-Уймон считались более строгими, тогда как мультинские «маленько помягче»; в настоящее время эти различия сглаживаются. По старообрядческим представлениям, как огонь может быть и созидающим, и разрушающим, так и красный цвет может быть и полезным, и вредным. Это цвет, с которым могут ассоциироваться кровь или адское пламя, а также важнейшие христианские представления о «попрании смерти» и Воскресении Спасителя.

В целом традиции праздничной одежды уймонцев очень интересны в контексте существования аскетизма и яркости. Благодаря работам В.А. Липинской распространено мнение о преобладании исключительно темных расцветок уймонской одежды [Липинская, 1996, с. 124]. Действительно, повседневный и будничный моленный комплекс пожилых кержачек характеризуется скромными цветами, но даже в нем есть одежда довольно насыщенных оттенков зеленого и синего. Безусловно, уймонские кержачки следуют установке, озвученной в старообрядческой периодике: «... христианину прилично носить одежду скромную, не кричащую и не соблазнительную» [Кратчайшее изложение..., 1993, с. 103]. Старообрядцы Уймонской долины проявляют специфическое понимание скромности: акцент делается не на запрет яркости в смысле насыщенности цвета, а на осуждение пестроты. При этом под «пестрым» имеется в виду не столько цветовое разнообразие, сколько крупный рисунок на ткани. Например, в с. Мульта пожилая женщина показала нам свое новое демисезонное пальто из ткани с крупным черно-белым рисунком. Этую вещь нашей собеседнице носить запретили, поскольку она «пестряя». Особое внимание кержачки уделяют однотонности ткани как для будничной, так и для праздничной одежды. В случае отсутствия такого материа-

Рис. 3. Девушка в венчальном костюме Х.И. Ивановой.

Рис. 4. Уймонская кержачка в новом пасхальном наряде.

ла одежду (в т.ч. и моленную) допускается шить из ткани с неброским, некрупным рисунком, «мелконькими цветочками». Праздничные наряды уймонцев и начала XX, и начала ХХI в. отличаются красочностью, поразительной на фоне общего аскетизма (рис. 4). Используются красный, оранжевый, малиновый, розовый, бордовый, голубой, синий, зеленый материал. При такой колоритности расцветок уймонские кержачки все таки реализуют свои представления о скромности традиционного костюма – они не используют пестрых (с крупным рисунком) тканей, отдают предпочтение однотонной расцветке. В настоящее время уймонские староверы, известные своей особой строгостью, выглядят значительно менее аскетично, чем их единоверцы из степного Алтая. Традиция наряжаться, готовить к Пасхе новые красивые наряды не только из хлопчатобумажных тканей, но и искусственного шелка может встретить осуждение со стороны горно-алтайских старообрядцов или единоверцев Алтайского края.

Яркость и богатство праздничных нарядов старообрядцы идеологически обосновывают религиозными соображениями. «В праздник было обязательно снаряжаться, если Бога уважаешь. Платок на леву сторону одеть в праздник – Бога не уважать», – объясняла

Е.П. Чернова (ПМА, 1998, Е.П. Чернова, 1928 г.р., с. Верх-Уймон). В ХХ в. по большим праздникам даже очень пожилые женщины надевали яркую нарядную одежду из дорогих тканей: «Вот я бабоньку помню, она уж старенька была. Но на Пасху, например, вырядится в яркое, красивое» (ПМА, 1999, М.С. Артаболовская, 1931 г.р., с. Тихонькая). При всем цветовом разнообразии на праздничную моленную одежду ранее распространялось то же правило, что и на будничную, – она должна быть «без цветков», из однотонной ткани. В праздничных нарядах выразилось как бы примирение христианского аскетизма и жизненного стремления к яркости. Эта непозволительная в обычное время роскошь в одежде обосновывается как «почитание Бога». Наряд – знак уважения годового праздника – выполняет важную психологическую функцию, формируя радостно-возвышенное настроение, подчеркивая христианское значение праздника.

В рассмотренных выше случаях прослеживаются три уровня соответствия между запретом и его жизненной реализацией: а) фактическое несоблюдение запрета, идеологическое отрицание явления; б) частичное следование запрету и частичное идеологическое обоснование запретного явления; в) нивелирование запрета и идеологическое обоснование явле-

ния. Перечисленные уровни различаются по степени идеологической обоснованности дохристианских по происхождению явлений в контексте христианского мировоззрения.

В украшениях мы наблюдаем наиболее сильный языческий след. Украшение как апотропей длительное время выполняло (в житейском понимании) те же функции, что нательный крест: это защита от колдуноў, сглаза, охрана здоровья. В отличие от христианских атрибутов, украшения удовлетворяли эстетические и эмоциональные потребности. Связанные с ними представления оказались живучими и вместе с тем непригодными для христианского переосмысливания. Поэтому возникло идеологическое отрицание этих предметов. Ярким выражением переоценки архаических представлений являются населяющие преисподнюю женско-змеиные образы, в которых можно распознать сходство со средневековыми апотропейными языческими изображениями.

Красный цвет в культуре уймонцев имеет двоякое значение. С одной стороны, он сохранил свою актуальность в культуре как архаический апотропей и жинедатель. С другой стороны, этот цвет, став символом Пасхи, выражением религиозного содержания данного праздника, приобрел также христианское культурное значение. Отрицаемый староверами красный цвет нашел в определенном функциональном срезе идеологическое обоснование. Интересно примирili уймонцы естественное жизненное стремление человека к нарядности и аскетические установки, основанные на учении отцов церкви. В дни годовых праздников колоритность костюмов получила религиозное обоснование как христианский закон. Таким образом, был не только найден способ выражения эстетических предпочтений, стремления к красоте, но и существенно усиlena идеологическая насыщенность важнейших христианских праздников.

Список литературы

Иоанн Златоуст. О втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа, и на слова: все бо предстанем судилищу Христову, и кийждо нас о себе слово даст Богу (Рим. 14, 10, 12) // Старообрядческий церковный календарь на 1993 г. – М.: Церковь, 1992. – С. 73–76.

Иоанн Златоуст. Слово о играх и о плясании // Православный старообрядческий церковный календарь на 2002 г. – Кишинев: Изд-во газеты «Красная звезда», 2001. – С. 115.

Кратчайшее изложение догматов и преданий, чинов же и обрядов и обычаяев древлеправославно-кафолическая Ветковская Церкве // Старообрядческий церковный календарь на 1994 г. – М.: Церковь, 1993. – С. 75–104.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

Предисловие об умерших: о кончине нашей, и о священном чине погребения, и о совершаемых по обычаю поминованиях // Старообрядческий церковный календарь на 1993 г. – М.: Церковь, 1992. – С. 77–94.

Преподобного Ефрема Сирина слово на лукавых жен // Православно-старообрядческий церковный календарь на 1995 г. – М.: Церковь, 1994. – С. 49, 54.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 784 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Фурсова Е.Ф. Целительные свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. История, филология и философия. – 1992. – № 1. – С. 49–54.

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2005. – 121 с.

Шитова Н.И. Христианская символика в одежде уймонских старообрядцев // Гуманит. науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 87–90.

Материал поступил в редакцию 30.03.09 г.